

Иркутская хрестоматия

130 лет со дня рождения

ПЕТР ПЕТРОВ

Крутые перевалы

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ

...Лиза, Корякин, товарищ Червонный и молодой наборщик из губернской типографии ночевали в сторожевой будке. Солнце повернуло к обеду, когда к ним шумно ворвались Чеканов и Юзеф.

— В военном городке восстание! — закричал Чеканов, размахивая руками.

ПЕТРОВ Петр Поликарпович — публицист, прозаик. Родился 13 января 1892 в с. Петровское Канского уезда Енисейской губернии. В декабре 1917 принимал участие в защите Белого дома в Иркутске. Участник гражданской войны в Сибири, председатель Объединённого совета Степно-Баджейской партизанской республики, заведующий агитотделом партизанской армии, главный редактор газеты «Соха и молот» (Минусинск, 1919–1920), член редколлегии журнала «Будущая Сибирь» (Иркутск). Делегат I и II всесиб. съездов, затем в составе ЦИК Советов Сибири (Центросибирь). В 1924 окончил Красноярский институт народного образования, после окончания работал методистом в Енисейском союзе кооператоров. Печататься начал с 1919 г. Делегат Первого съезда писателей СССР (1934). Автор романов: «Золото», «Борель», «Крутые перевалы», «Шайтан-поле», «Половодье» и др. Последнее произведение — повесть «Памятная скала», написана в 1937, издана в 1959. Состоял членом правления Восточно-Сибирского отделения писателей. Репрессирован в 1937 г. Расстрелян 23 октября 1941 г. Посмертно реабилитирован 1 марта 1957 года Военным трибуналом ЗаБВО. Имя П.П. Петрова носит Дом литераторов в Иркутске.

Все выскочили за двери. День был солнечный, прозрачный, с деревьев летела последняя желтая листва. Из-за голой горы, отделяющей город от военного лагеря, доносились глухие выстрелы. Жена будочника загоняла в стойло пеструю корову и по-женски причитала:

— Палят-то, боже мой!.. Ой, и жизнь пришла!

— Но почему так скоро? — удивился товарищ Червонный.

— Провокация, слышать, вышла, — объяснил Чеканов. — Солдат, которые были на вчерашнем собрании, арестовали, а полк их не выдал, и пошла потасовка... Давайте пока на типографию нагрянем... Я там уже обстряпал дело, и ребята стаскивают на подводы шрифт.

— Но как же мы от восстания убежим? — запротестовала Лиза.

— Восстание неудачное, — волнуясь, сказал товарищ Червонный. — Вы действуйте, как говорит товарищ, а я узнаю через железнодорожников, в чем дело. Только немного замаскируйтесь.

Товарищ Червонный быстро наклеил острую бородку с усами и переоделся в серый костюм. Для Лизы и других тоже нашлись вещи. И вскоре все были готовы к походу.

Нарядившись в узкий пиджак и брюки, Корякин был недоволен таким платьем, но смирился. К типографии пробирались поодиночке со стороны, не оцепленной патрулем, и все попали вовремя. Чеканов бегал мимо машин и кричал работавшим над упаковкой наборщикам:

— Товарищи! Петит-то не забудьте... Да десятого побольше... Бумагу, бумагу грузите!

Во дворе около четырех пароконных подвод возбужденно топтались вооруженные солдаты. Это были наборщики и железнодорожники, теперь одетые в солдатские шинели. И когда весь багаж был уложен, а Чеканов заскочил на облучок передней подводы, с улицы раздался залп, и караульный рабочий, взмахнув руками, толкнулся головой в середину ворот, распахнув обе их половины:

— Гони напролет! — закричал Корякин, вскидывая кверху руку с наганом и другой ударяя по лошадям. Лиза бросилась к задней подводе, но новый залп оглушил ее, подкосив под ноги. Мимо, на задний двор, протопали тяжелые шаги. Кто-то подтащил ее к забору, но не осилил, видимо, ноши. Смутно представляя случившееся, она попробовала подняться, но обе ноги не повиновались и ныли жгучей болью. Сквозь забор ослепительно светили солнечные лучи. Поняв свое положение, она сунула руку к груди и задрожала: револьвера и узелка с цианистым калием не было.

«Забыла на разъезде», — вспомнила она, оглядываясь на тяжелый топот лошадиных копыт. Посредине двора ползал раненный в живот Юзеф. Где-то по окраинным улицам началась частая перестрелка. По звукам определила, что бьют в направлении военного городка. И тут же упала, смутно узнав подскакавшего на лошади Плетунова. Хищное птичье лицо контрразведчика дернулось в насмешку. Позванивая шпорами, он спрыгнул с лошади и, вытянув вперед руку с револьвером, прерывающимся голосом запищал:

— Она! Она! Берите!

И уже в тюремной больнице, вся избитая нагайками, Лиза осмыслила случившееся и предстоящее.

За городом, в болотистой низине, каждую ночь раздавались выстрелы залпами, а ранними утрами по тюремному двору проводили десятки арестованных и обезображенных побоями солдат 31-го восставшего полка.

— Шляя — наше дело, — говорил каждый раз Черненко, рабочий угольных копей. — Заварили ладно, но соли переложили ребятки наши!.. Тут надо хлобыстнуть всем городом, тогда толк будет.

— Я не понимаю, почему они с оружием не ушли к нашим? — ломала руки Лиза.

— Склепки, значит, не хватило... У тебя как ноги-то?

— Болят... Но это все пустяки, ведь кости целы, а вот провал наших больше и, наверное, типографию отняли.

— Скоро им крышка, — внезапно заключил шахтер. — Только ты не торопись вылечиться.

— Почему?

— Выведут и хлопнут, а из больницы будут брать перед самой пропастью.

...Перед судом Лизу перевели из больницы в тюрьму и поместили в камере политзаключенных. Раны ее подживали, но она еще слабо передвигалась на ногах. Старые большевики — мужчины и женщины — окружили ее заботами, как могли. Но и здесь вместе с ожиданиями желанных событий все дни и ночи чувствовалась растерянность и неуверенность в каждом последующем часе. Все знали, что ночью придут анненковцы или розановцы и сначала поставят на дверях намеченных одиночек мellowые кресты, а через час прозвонят шаги со шпорами, и одиночки уже не вернуться.

За месяц Лиза присмотрелась и изучила быт колчаковской тюрьмы так же серьезно, как изучала и раньше все окружающее. И постепенно она свыклась с мыслью, что не сегодня-завтра придет ее черед. И лишь перед рассветом, когда каратели уводили обреченных и захлопывалась коридорная дверь, на нее нападала тоска и обида за потерянную личную и общественную жизнь. В приливе этой минутной жалости к себе она обвиняла Николая и за то, что он не был настойчив в своих предложениях совместной жизни, и за то, что не остановил ее от этой поездки. Но это личное жило в ней недолго. Лиза боялась сонной тишины и одиночества, она совершенно не выносила их. И с подъемом, когда и в тюрьме начиналась жизнь, она снова вносила бодрость и свежесть в эту мрачную могильную обстановку, она часто пела революционные песни, когда другие, доведенные до полного отчаяния и изнеможения, не желали поднимать глаз на свет, мерцающий над потолком камеры. После разгрома станции Брусничная к ней подошла рослая старуха, бывший редактор губернской газеты «Дело рабочего», и, улыбувшись темными большими глазами, сказала:

— От вашего командира Потылицына записка.

Старуха развернула трубочку из бумаги, которую катала в ладонях. На бумажке четким почерком Николая было написано:

«Милая, родная Лиза!

Готовьтесь, скоро увидимся. Береги себя и товарищей. Поставил белым условие: освободить за тебя ихних пять женщин... Думаю, что на суде они сделают тебе смягчение».

Старуха печально и улыбуиво смотрела на молодого редактора.

— Вы любите его? — мягко спросила она, когда Лиза с неохотой рвала записку.

— Да, мы хотели пожениться, но мешала эта борьба, и нехорошо было бы перед товарищами партизанами...

— Ну и глупо, дети мои! — вздохнула старуха. — Эти аскетические предрасудки чужды марксистам... Но дело теперь не в этом... Ты знаешь или нет, что за расстрел белых офицеров партизанами на днях вывели в расход всех членов губернского исполкома?

— Да что вы, товарищ?!.

Лиза откинулась головой к серой стене, и синие ее глаза будто вросли в морщинистое лицо старой большевички.

— Это вполне понятно, — продолжала старуха. — Партизаны и рабочие остановили железнодорожное движение, а Красная Армия уже движется к Томску... Я предполагаю, что участь наша тоже будет решена на днях.

Лиза брезгливо рассматривала поднятую в ложке капусту, когда в окошко глянула усагая физиономия надзирателя и звякнул замок.

— Партизанка Пухова, на суд! — послышался низкий голос.

Она быстро застегнула халат, как будто собиралась на волю, и весело оглянула поднявшихся с нар худых, бородатых, потемневших людей.

— Ну, мужайтесь, голубушка! — по-старчески, как мать, поцеловала ее старуха.

— До свидания, товарищи!

Лиза высоко взмахнула руками, будто хотела улететь, и направилась к выходу.

Над городом летела от Ледовитого океана вьюга. Снежные хлопья белой пеной облепляли крыши домов, окна и лица прохожих.

Лиза задохлась от холодного воздуха и не заметила, как отстала от передних конвойных.

— Шагай, шагай, красномордая! — ткнул ее прикладом задний казак.

— Да... По тайге, поди, ловко прыгала! — презрительно бросил другой.

Она не могла оглянуться, но по топоту копыт догадывалась, что в сопровождавшем ее конвое больше десятка вооруженных людей.

С крыльца женской гимназии и с балкона учительской семинарии за процессией наблюдали сотни молодых глаз. Два-три лица Лизе показались знакомыми, но она опустила голову и смутно, плохо отдавая себе отчет, подумала: «Паршивые, будущие чиновники!»

Взгляды девушки больше привлекала городская суетня военных и осторожные наблюдения за ними просто одетых людей. Пока они шли до штаба контрразведки, навстречу все время тянулись военные подводы с продовольствием, тачанки с пулеметами, одноколки и шикарные сани, из которых пугливо выглядывали завернутые в дорогие меха выхоленные лица женщин.

— Значит, правда, отступают? — не выдержала Лиза.

Последний казак свирепо оглянулся и погрозил нагайкой.

— Молчать, курвин род!

Но Лизу одолел смех. И когда села за желтый барьер на скамью подсудимых, ясными глазами осмотрела лица в защитных блестящих мундирах. Люди эти напоминали ей давно приезжавших в их село шарлатанствующих комедиантов, напускающих на себя серьезность и чопорность.

«Это тоже комедианты капитализма, — думала она. — Но те безобидные и обирают только деньги, чтобы кормиться и пропивать, а эти пропахли человеческой кровью».

Люди в мундирах, пожилые, плешивые, с красными и серыми от перепоя лицами в свою очередь рассматривали красивое лицо страшной для них преступницы. И мундирные судьи, казалось, не верили своим блеклым глазам, что эта изящная девица сделала так много для разложения белой власти и для упрочения класса, с которым связала свою судьбу.

С места поднялся небольшой человек с блестящей лысиной на затылке и с

трем «Географиями» на груди. Лиза ожидала хрипатый, пропитый голос, но он слышался чистым и мягким.

— Господа, заседание экстренного военно-полевого суда считаю открытым. Вниманию вашему предлагается слушание дела учительницы Елизаветы Павловны Пуховой, происходящей из крестьян Пуховской области, обвиняемой в участии в банде Потылицына как одной из видных главарей и редактора погромной газеты «Плуг и молот», кроме сего уличенной в подстрекательстве нижних чинов местного гарнизона и захваченной на месте преступления при похищении бандой упомянутого Потылицына губернской типографии.

Широкие скулы калмыцкого лица генерала дрогнули. Он торопливо поправил пенсне и пробежал черными глазами по лицам замерших конвойных.

Делопроизводитель начал чтение обвинительного заключения. Лизе все это было знакомо до безразличия, и она рассеянно стала рассматривать сидящих в зале военных, пока не встретила глазами с птичьей физиономией. Сначала она забыла, где встречала его. Но Плетунов-Зубарев растянул безусый выпуклый рот в злобной улыбке и дернул плечами. Лиза повернулась к судебным заседателям, тошнота подступала от груди к горлу. Ей захотелось дико растоптать его, как гадюку, подползшую внезапно. Делопроизводитель кончил чтение обвинительного материала и сел на место.

— Подсудимая Пухова!

Лиза поднялась с места и чуть заметно улыбнулась, глядя в мертво-скуластое лицо председателя суда.

— Признаете себя виновной в содеянном? — Генерал наклонился через стол и налил в стакан воды.

— Да, признаю... Но!.. — Лиза выпрямилась во весь рост и будто только теперь поняла, как смертельно ненавидит этих своих палачей, совершающих ненужный, жестокий обряд. — Да, признаю и прошу поскорее кончать!

Судьи, вздрогнув, повернули в ее сторону головы.

— Сколько вам лет? — спросил широколицый маленький прокурор в длинном френче и с белесым ершом на голове.

— Восемнадцать, но... разве это важно? — Синие глаза Лизы смеялись злобой. Она села, откинулась на спинку скамьи и остановилась взглядом на люстре, привешенной к голубому потолку залы.

Суд допрашивал Плетунова и солдат, бывших при столкновении на типографском дворе, но Лиза уловила осмысленно только заключительное слово защитника. Он говорил:

— Вину подсудимой не могут смягчить никакие обстоятельства, кроме тех, что она женщина и к тому же несовершеннолетняя.

«Ух, какой мерзавец!» — подумала она.

А когда ей предоставили последние слова, то коротко ответила:

— Прошу не считать, что я неосознанно... я работала и билась с вами убежденно... Это пошлость говорить, что дело рабочих и крестьян — преступление или вина.

Синие сумерки тихо опускались на город, когда конвойные подвели ее к тюремным воротам. «Ввиду несовершеннолетия — двадцать лет каторги», — четко звучали слова председателя суда. И когда камера захлопнулась тяжелой скрипучей дверью, бросилась на шею старой большевички и беззвучно зарыдала...